

НЕЗАБУДКИ ДЛЯ НЕЛЛИ.

Дарья Моисеева

Незабудки для Нелли

<https://litres.ru/74670417>

SelfPub; 2026

Аннотация

Практика в селе должна была стать для Нелли обычной строчкой в биографии. Только жизнь решила иначе.

Он - Филипп Макарович, школьный фельдшер, человек, который когда-то гнался за мечтой, а теперь старательно обходит её стороной. Она - девушка, что смотрит в лицо смерти без дрожи и даже не догадывается, какой силой обладает её взгляд.

Одна встреча способна вернуть нам то, что мы давно потеряли: веру, надежду, смелость. Но хватит ли у Филиппа сил удержать этот хрупкий дар, когда прошлое так пугающе невыносимо?

Содержание

Эпилог	4
Глава 1	7
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Дарья Моисеева

Незабудки для Нелли

Эпилог

Узел развязался. Давящая на грудь боль ослабла. Лёгкие словно впервые смогли насладиться чистым воздухом. Так долго дышащий трубками человек снова делает самостоятельный вдох, не веря, что его тело ему принадлежит. Она стояла посреди поля, усеянного льном, и дышала, запрокинув голову к небу. Больше не было ни боли, ни той бессмысленной битвы, которую она выигрывала каждый день, хоть и понимала, что однажды всё равно проиграет.

Смерть стояла рядом. Она ощущала её каждой клеточкой своего тела, но не чувствовала пресловутого холода, что тонким шлейфом везде ползёт за старухой с косой. Она столько раз в своей жизни ловила этот призрачный шлейф своими пальцами. Столько раз отгоняла руками, пытаясь обогреть теплом своего сердца умирающих людей, что просто не могла не узнать старую соперницу. Сварливую, коварную, жестокую, но не теряющую своего благородства и власти блюстительницу времени.

Только здесь время, казалось, вдруг наконец-то замерло, подарив последнее утешение умирающей душе. Свежий ве-

терок, словно пробравшийся из-за открытого окна, прямо из детства, коснулся её седых, закреплённых старой заколкой волос. Насладившись девственной голубизной неба, она вдруг с благородным достоинством взглянула в лицо своего врага. Её глаза, два проросших василька, намокли. Крупная слеза скатилась вниз, замочив нижние ресницы. Это были глаза девочки, что когда-то потеряла мать. Глаза ребёнка, что, запомнив белую, пустую маску лишённого души тела, принялись вести счёт, запоминая каждого мёртвого и живого.

- Почему у тебя глаза как у моей мамы?

Вопрос слетел с губ невидимой дымкой. Даже если бы кто-то стоял рядом вплотную, то всё равно смог прочесть его лишь по губам. Так призрачен был её голос. Но она была уверена, что смерть поймёт её. Смерть, что стояла рядом и смотрела на неё глазами её покойной матери, чей образ за столько лет жизни уже давно поблек, прикрывшись временной кисейей, всегда понимала её без слов.

Худая женщина с длинными волосами, что падали на цветущий лён блеклыми седыми прядями, ожидая чего-то, смотрела на неё. Изъеденное морщинами знакомое лицо, чья нежность была столь поразительна, что даже сама старость не могла очернить её вызывало щемящее чувство ностальгии в груди. Закрыть глаза, глубоко вдохнуть и побежать к матери навстречу, как когда-то в детстве, будучи слабым ребёнком, нуждающимся в материнском тепле. Но как бы ни был

похож фантом, Неля прекрасно понимала, что это не она. Это лишь плод воображения умирающего мозга. Не более.

- Пойдём, моя маленькая, храбрая девочка. Ты так устала.
- призрак протянул костлявую руку. - Он уже заждался.

Неля сглотнула, делая один, а затем и ещё один шаг вперёд. Цветки льна касались её голых ног. Ветер трепал седые пряди. Пробежавшая мимо секунда - и вот уже детская, затёртая от постоянной работы в колхозе рука хватается за смерть, как за последнего друга. Она больше не умудрённый опытом врач в белом халате, к которой с замирающей в груди благодарностью обращаются; "Нелли Васильевна! " а маленькая девочка Неля с убранными в тугие косы волосами и поношенными лаптями на худеньких ногах.

Перед смертью мы все дети. Слабые, запуганные, сломленные. Ищущие безопасного тепла и сытного молока младенцы, кричащие от собственного бессилия. Как бы время ни пыталось обмануть нас взрослением, предъявляя человеку счет за прожитые года, душа всё равно будет желать тепла и защиты, даже если никогда толком этого и не знала. Ибо есть то, что уже было вложено в наши души ещё задолго до самого рождения.

Глава 1

Ему нравилась тишина, стоящая в кабинете. То самое бесценное умиротворение, наступающее с приближением заката. Майское солнце проникает через открытое окно в небольшой фельдшерский кабинет, накладывая поверх голубых стен жёлтые мазки. Воздух чист и свеж. Легонько, как мать, осторожно проверяющая у младенца температуру, касается прохладный ветерок оставленных на балконе документов, прижатых сверху пузатой банкой.

В школьных коридорах тихо. Не слышен озорной смех и поучительное учительское воспитание. Мир вокруг, казалось, погрузился в предзакатную дрему, разомлев от бежево-розовой припудренной нежности цвета, мягкости весеннего ветерка, едва касающегося верхушек деревьев и сладкого аромата цветов.

Школьный фельдшер, заполнив очередную колонку в журнале, поднял голову, взглянув на шумевшую под окном берёзу. Яркая, до сладости на языке зелёная листва играла с ветром, поблескивая в лучах закатного солнца. Мир на удивление жил дальше, будто весь прошедший кошмар - не что иное, как дурной сон, который не повторится, если выпить на ночь горячий чай с мёдом. Дурные мысли, ощущение собственной беспомощности в те роковые годы, казалось, впервые отошли на задний план, скрывшись в закатном золо-

том свечении, уступив место приятной освежающей майской прохладе.

- Филипп Макарович?

Школьный фельдшер положил на стол ручку. Обернулся. Так задумался, что и не заметил, как в дверь постучали. На пороге стояла Валентина Никифоровна. Учительница русского языка и литературы, вечно ходившая в строгом закрытом костюме, с лицом похожим на восковую маску.

- Слушаю Вас, Валентина Никифоровна, случилось что?

- он устало улыбнулся.

Учительница покачала головой.

- Что вы, сплуньте, Филипп Макарович, - вздохнула она.

- Вам директор передать просил. Практикантка завтра придет из Уржума. Нужно будет утром встретить. - учительница подошла к рабочему столу, стуча небольшими каблучками по оранжевому полу. Тяжело опустилась на стоящий рядом скрипучий стул, обмахиваясь скреплённой нитками папкой. - План практики вам велено назначить как руководителю. Это личное дело Вали Кузнецовой. Есть у вас что от головы? Болит страшно.

Смерив давление и только после этого выдав Валентине таблетку парацетамола из личных запасов, фельдшер сел за принесённые бумаги. Учительница, посидев ещё минут десять, девять из которых жаловалась на нерадивого ученика из пятого класса, а оставшуюся минуту просто молчала, глядя в окно, ушла, сославшись на очень важные дела. Филипп

только вздохнул. Сначала нарабotaются, а потом удивляются, почему здоровье такое худое. Работа же, колхоз, планы, дом, в конце концов. Не до больных коленок, как говорится.

"Валентина Владимировна Кузнецова. Группа 3 "А". Производственная практика." – было напечатано большими чёрными буквами на обложке папки. Мосунов уже как-то общался с этой девушкой. Она была его соседкой. В селе каждый друг друга знал: если не по имени, то по лицу точно. Отец Вали, Владимир, так и не вернулся с фронта. Хороший был человек и детей своих любил безмерно. Говорил, что они, как любое дерево в саду, заботы требуют, полива, и вовремя подаренного спокойствия от родительской нотации. Жаль, что только война жизни ему не оставила. Погиб, как хотел, с честью, грудью прикрыв попавшего под огонь маленького партизана. Люди же друг другу все родня. Уж больно мальчик был на собственного сына похож.

«И что мне ей показать?» - задумался снова, любуясь растущей у окна берёзой, что кокетливо шелестела густой кроной. - «Профилактику провести? На спортивные школьные игры взять с собой можно. Не лишним будет.»

Пока думал, незаметно для себя вернулся к прошлому. Будучи ещё пятнадцатилетним юнцом, Филиппу посчастливилось попасть в военный госпиталь. Во время войны никто не спрашивает, готов ты или нет. Жизнь в целом никогда не интересуется мнением людей. Судьба, дав быстрые наставления, ибо кто успел, тот и взял, вышвыривает едва окрепше-

го парнишку в гущу событий, лишь иногда кидая, как прохожий бездомному, жалкие корки хлеба в виде подсказок. Как в огне закаляется меч, как солдатом становится человек в бою, а не в учении, так и Филипп выбрал свой путь только после того, как сам окунулся с головой в чужую кровь и страдания.

Мосунов, измазав рубашку в крови, бегал от одной койки к другой, накладывая бинты, проверяя дрожащими руками пульс и закрывая то и дело глаза лежавшим в коридоре солдатам. Он был робким школьником, которого привели на помощь врачам и фельдшерам городского военного госпиталя. Рук не хватало. Его, как и многих детей военного времени, считали взрослой трудовой единицей. Обучили базовой помощи и выпустили в самое жерло. А он в этом аду, среди кричащих и плачущих нашёл свой будущий профессиональный путь. И хоть сомнения были велики, после школы поступил на фельдшера.

Раненых в тот год было много. Кто-то умирал, тихо сжимая простыни и молча перенося последние муки кто-то кричал от боли, пока ему не вкалывали наркотическую дозу. Врачи в поту оперировали одного за другим и уже не вели счёт. Выжившие переводились выше по этажу. Умерших записывали в тетради быстро и коряво, не осмысливая очередную смерть должным образом. Библиотекарь с большим вниманием ведёт учёт должников.

Время убегало сквозь пальцы серым прахом. Горевать и

сострадать не было уже душевных сил. Пока плачешь над одним телом, в очередь становятся ещё три. Врачу в целом свойственно закрывать душу в броне, а когда люди мрут и тают, как снежинки, упавшие на жаркую ладонь, психика и вовсе замолкает, предпочитая не замечать, не видеть, не сочувствовать.

Ещё будучи школьником, Филипп был одержим мыслью о том, что, став настоящим врачом, сможет повлиять на этот бесконечный круг земного ада. Это была его надежда, за которую он держался, чтобы не сойти с ума. Реальность обрушилась лавиной неожиданно, без предупреждения, накрывая полностью, лишая кислорода и застилая взор густой белой стеной. Филипп не верил во всемогущее спасение. Но даже так, когда он сам надел белый халат и вышел на свою первую практику, его поразило такое разочарование, что боль эта все ещё теплилась в его сердце и напоминала о себе при любом удобном случае. Поэтому свою первую практику Филипп Макарович чертовски не любил вспоминать.

«Что же для тебя придумать?»— Филипп почесал тыльной стороной пальца крылья носа.

Война закончилась, но смерть осталась. Люди продолжали умирать, а болезни все так же свирепствовали, как дикие звери. Студентов бы в больницы, госпитали, тем более отлучницу. Всё информативнее, чем в деревне раны обрабатывать да профилактику смотреть. Но, с другой стороны, как говорил старый наставник Филиппа, научиться можно всему

и в любом месте, было бы желание. А он, как руководитель должен это обучение спланировать, да под образовательные рамки подвести. Сказали: организуй практику, значит организовывай, а не уплывай в философские размышления.

Тем не менее, Филипп чувствовал страшную ответственность, ибо сам понимал, что практика для студента, что первый заплыв для профессионального спортсмена. Возможность окунуться в среду будущего обитания должна была быть если не особо познавательной, то максимально приближённой к реальности, ибо только так студент мог понять, где он оказался.

Солнце баюкало землю, ласково глядя своими лучами молодую, сладко-зелёную листву. Небо с каждой минутой темнело, и вот уже на Шурму упали первые синеватые тени. Мосунов, закрыв кабинет, вышел из школы, взяв с собой только наброски намечающегося плана. Нужно было успеть домой. Помочь матери с приготовлением обеда, не забыть зайти утром к тёте Наде с её простудой. Мимо пробежали сельские мальчишки, суетливо здороваясь и продолжая свой путь. Село постепенно готовилось к ночи.

От тонких листов пахло свежей печатной краской. Нелли с наслаждением коснулась носом новой бумаги и вдохнула этот аромат, будто в её руках был букет полевых цветов, а не свежий выпуск "Роман газета". Валя, завидя это, лишь улыбнулась, краешком губ, продолжая разглядывать мелькающие

мимо берёзы. Дорога ухабистая. Практиканток всё время начало, из-за чего приходилось крепко держаться, дабы не вылететь на дорогу. Раньше на этой машине перевозили солдат, а после стали использовать и для более мирных задач, как, например, перевозка сена или мешков с провизией из колхоза. Удобств в виде мягких кресел, конечно, не прилагалось, но, несмотря на это, девушки были весьма довольны поездкой.

В Шурму Мельчакова Нелли ехала в первый раз. Если для её однокурсницы и хорошей подруги Вали село являлось родным домом, в который благодаря распределению ей посчастливилось вернуться, то для неё, приехавшей в Уржум из Нолинска, бедной студентки, это был шанс пережить небольшое путешествие. Во время учебы особо не наездишься. Да и стипендии не хватит, хоть и сорок рублей. Валя же трепетала от одной мысли о том, что снова зайдёт в родной дом и прижмёт к груди мать. Дорога до села была ей знакома, и оттого было так приятно разглядывать мелькавшие акварельные натюрморты родных просторов.

– Спасибо тебе, Валь.– Нелли любовно погладила обложку свежего издания.– Я точно не буду мешать твоей семье?

Мельчакова привыкла жить в чужих домах. После того как из Нолинска в Уржум учиться приехала, всё жила у своей подруги Риты. Не за бесплатно, конечно.

Рита Редькина была очень красивой девушкой. Большие серые глаза, прямой статный нос и длинные, напоминающие

дорогой шёлк, волосы. Каждый молодой человек в Уржуме на неё заглядывался, когда они проходили мимо, держа путь в фельдшерско - акушерскую школу. Только учёба Редькиной плохо давалась, хоть та и старательно занималась. Вот Нелли, будучи отличницей с повышенной стипендией, ей и помогала. Почти каждый вечер Рита слушала монотонные объяснения Нелли. Слушала и, как подобает старательному студенту, внимала. Мать Редькиной за эти занятия Нелли очень любила и с удовольствием предоставляла кров и собственноручно приготовленный завтрак в виде полной тарелки каши с куском тающего, словно лёд под солнцем, масла и кусочка хлеба с тонким ломтиком сыра.

– Ну что ты, Нелли!- Валя потянулась к ней. Положила свою руку ей на колено.- Ты же моя подруга! К тому же, нам будет вместе жить весело.

– Я все ещё очень благодарна тебе, ты же знаешь?

– Как и я благодарна тебе за твою заботу обо мне и о Рите. Жаль только, что учёба подходит к концу. Последний год остался. Получается, этим летом у нас будут последние каникулы вместе. Следующим летом уже о поступлении надо будет думать или о работе.- Валя печально вздохнула, наматывая на палец чёрную, выбившуюся из косички прядь волос.- Вроде и радоваться надо, что профессию получим, а чего-то не получается.

Это было действительно печально. Когда-то Нелли грезилла о своей будущей работе, как ребёнок, закрывала глаза и в

мечтах представляла себя в белом халате с повисшим на груди стетоскопом. Это была заветная мечта, представлявшаяся ей в розовых и самых из всех возможных сладких красках. Что-то, до чего не дотянуться руками, но к чему вполне можно добраться, взобравшись на гору или высокий холм.

Но годы ученичества оказались куда мягче и теплее, чем она ожидала. Однокурсники оказались доброжелательными и светлыми людьми, и почти у каждого из них была своя история, которую они с удовольствием рассказывали. Ребята рука об руку столько лет шли вместе, пробираясь через болото знаний, которое было столь густым и опасно захватывающим, что любой неверный шаг мог оказаться последним. И всё это время студенты, окрылённые, а может даже и слепые, шли через все трудности вместе, смеясь и шутя, ибо только через смех можно было сохранить уверенность в завтрашнем дне. Вот только когда конец пути становится всё ближе, а желанное уже маячит на горизонте, приходит запоздалое понимание того, что после финиша их дороги разойдутся. Они уже не будут связаны одной дорогой и из-за этого Нелли ощущала ничем не заглушаемую горечь.

– Ты будешь хорошим фельдшером.– заверила её Нелли.– Я верю, что мы все ещё встретимся.– Валя кивнула поддерживая.– Ты практику у школьного фельдшера проходишь? Рита с утра все уши мне прожужжала!

Это утро и правда началось с восторженного Ритино: «А ты знаешь, у кого Валя будет практику проходить?»

Дело было так. Стоило Нелли только открыть глаза и вслушаться в бытовые звуки просыпающейся семьи, как в эту же минуту к ней подбежала Рита и, тормозя за плечо, затараторила: "Валька у молодого фельдшера проходить практику будет! " Рита сама мечтала о том, чтобы найти любовь всей жизни и для чего-то, как подобает в любовных романах, с этой любовью разлучиться. Она об этом всегда говорила прямо, несмотря на вечное ворчание матери о том, что несчастная любовь - удел страдальцев, а ей пора бы подумать о работе. И вот перед самым отъездом на практику до неё долетает новость о молодом Филиппе Макаровиче.

Нелли ещё даже не успела слезть со своего сундука, на котором спала в доме Редькиных, как уже возбуждённая Рита представила, какой молодой специалист красивый и как Вале повезло, ибо будь на её месте сама Рита, она бы наверняка постреляла глазками в его сторону в надежде на внимание. Новость ей эту, конечно, разболтал влюблённый в Редькину ещё со школьной скамьи Ванька из соседнего дома. Утром ранним через забор перемахнул и в окно Ритиной комнаты постучался. Конечно, его целью было, прежде всего, увидеть любимую до того, как её на три недели отправят в другой город. Новость о Вале вылезала сама собой, ибо так обычно и бывает, когда общаешься с Ритой и пытаешься избежать по настоящему интересующей её темы.

– Она обиделась на то, что я не рассказала ей сама.– показала головой Валя.– Ну правда, мы на практику едем, а у неё

в голове бабочки. Я Филиппа Мосунова с детства знаю. У него семья строгая, многодетная. Сам он очень добрый человек и всегда всем помогает. Место школьного фельдшера он недавно занял. Я когда приезжала на каникулах он уже был.

– А больница у вас какая?– с интересом спросила Неля.– Мне только имя руководительницы назвали. Лариса Геннадьевна. Про неё что-то знаешь?

Валя кивнула, расправляя потёртое платье.

– Знаю. Она давно уже у нас. В военные годы в госпитале работала, а потом вернулась обратно. Ей уже лет так пятьдесят. Она строгая, но справедливая и очень при этом умная. Больница у нас небольшая, Нель. Хоть и имеет амбулаторию, но полноценно оставлять в стационаре людей не всегда может. В Уржум отправляет если что. Но Лариса Геннадьевна всей душой за свою больницу и в целом человек душевный, так что уж научить точно сможет чему.

Нелли чуть легче на душе стало. Не то, чтобы у неё были сложности с построением диалога, но знать, что твоя наставница – женщина опытная и добрая, всегда приятно. Конечно, если бы её мнение спросили, она бы с удовольствием ответила, что хотела бы поработать в госпитале, но не потому, что сельская больница не такая востребованная, а потому, что ей больно сильно хотелось со сложными случаями столкнуться. Проверить, так сказать, себя на прочность в бою, а не на словах, которые, как уже успела познать в свои семнадцать, ничего толком не значат без подкрепления.

Глава 2

Шурма встретила их ещё на подходе. Встретила бурно, со всей своей дружелюбностью и большой душой сельского человека. Дети, идущие по обочине дороги в одних лаптях, завидя машину издали, принялись махать руками, приветствуя. За спинами у ребят подпрыгивали обвязанные верёвками лукошки, наполненные крапивой и снытью. Девушки одарили их улыбками, махая в ответ руками. Валя вытащила из сумки привезённые с собой для матери конфеты из Уржума.

– Ловите!– звонко крикнула, демонстрируя кулёк.

Те, что были помладше, оживились, словно стая голубей, увидевших в руках гуляющего по скверу хлеб. Побросав лукошки старшему под ноги, побежали за машиной, игнорируя сердитые оклики им вслед. Валя осторожно кидала по одной конфете каждому мальчику, и те с удовольствием и полными восхищения глазами принялись ловить их, словно это не конфеты, а падающие с неба звёзды. Тут тебе не просто редкая сладость, а ещё козырная упаковка, которую в селе можно было выменять на весьма полезные для хозяйства вещи. Старший брат Вали, Александр, в своё время место в Москве получил и регулярно что-то интересное семье отправлял. До Уржума посылку отправить проще было. Вот Валя все от него гостинцы матери и среднему брату Жене

передавала.

Несмотря на родственника в Москве, Кузнецова не была высокомерной. В фельдшерской школе на их курсе учились дети разного финансового положения. Кто-то, как и Нелли, жил на одну только стипендию в сорок рублей, иногда подрабатывая в свободное время, а кто-то мог позволить себе жить на родительские деньги, спокойно реализуя мечты о красивой кофточке или туфельках. Только каждый друг к другу относился с уважением, да и любое неравенство стиралось, когда студенты садились за общий стол. Когда на тебе белый халат, ты становишься тружеником общего дела. А в общем деле без помощи никуда.

Мальчишки отстали, остановившись, чтобы рассмотреть своё внезапно появившееся богатство. А тем временем уже мелькала вдаль речка Шурмянка. Когда машина подъехала ближе, Нелли, отложив свой роман с интересом взглянула на спокойную переливающуюся гладь, в которой со стороны берега отражались деревья. Деревянный мост уходил в воду по самые опоры. С него летом наверняка было весело прыгать в воду, сильно зажмурив глаза и набрав в лёгкие воздуха. Мельчакова сразу вспомнила, как летними вечерами она со своими ещё сельскими друзьями из Лудяны бегала купаться в речке. Как, вдоволь охладившись, они ложились на стёртые полотенца и по очереди зачитывали прилетевшие голубями с кровавого фронта письма.

Нелли, закрывая глаза, слушала их, представляя себе

долгую дорогу, солдат, сделавших в лесу привал, горящий небольшой костерок и осторожные перешёптывания, растворяющиеся в тревожной тишине. Ей казалось, что она сама, благодаря этим историям, полностью погружается в ту напряжённую атмосферу борьбы, чувствуя отчаяние, радость и дрожащую в сердце каждого солдата надежду. Она могла прочувствовать тяжесть раннего утра, когда солнце ещё не встало, а уже необходимо идти вперёд, пока враг дремлет, затаившись во тьме. Как режет сердце кровавый рассвет и как быстро вытекает с реками крови из раненого солдата жизнь. Как велика безнадёжность перед телом умершего друга и как эта тоска перевоплощается в топливо для яркого огня мщения. Как раз за разом сломанный солдат поднимается, подобно мёртвому, из могилы и берёт в руки ружьё. Ибо назад нельзя. Там дом, там мама, там семья.

Шла эта сила не от выносливости души, а от отсутствия пути назад. У человека не было выбора, ибо смерть родного страшнее и мучительнее, чем своя собственная. И поэтому солдаты продолжали умирать и воскресать, живя на пределе своих возможностей, перешагивая через усталость, голод и боль. А схваченные пленники, сжимая зубы от мучений, молили о смерти, так и не выдав своей тайны врагу.

– Это наша речка Шурмянка.– пояснила Валя, смотря на прозрачную воду с любовью и нежностью. Так смотрят дети на свои старые игрушки, которые родители решили передать другому.– Может, и успеем искупаться.

Нелли согласно кивнула. Май нынче хоть и не был сильно жарким, но надежда на то, что погода расщедрится и подогреет для купания воду, была.

– А там бывшая церковь Рождества Христова.– продолжала рассказывать счастливая Валя.– Сейчас там, правда, масло-сырозавод, но церковь всё равно красивая.

Каменная церковь высилась над деревьями одиноким призраком. Брошенный своим хозяином дворец, что вынужден века стоять и медленно блекнуть под лучами солнца. В центре – наполненный важностью своей старой мудрости полноватый храм из красного кирпича, покрытый царской шапкой с крестом. Рядом – верные подданные: пятигранная зауженная апсида и расширенная просторная четырёхстолпная трапезная. Уазик прямо перед нею проехал. Даже скорость сбавил, словно угадывая интерес девушек к этой достопримечательности.

– А вы слышали про нашу Сашеньку Прозорливую?– крикнул водитель, опуская стекло.– Валя, расскажи девоньке!

– Расскажу, дядя, расскажу!

Машину снова встряхнуло. Валя на Нелю повалилась, смеясь та её от себя шутливо отпихнула.

– Валь, а кто такая эта Сашенька?– поинтересовалась Неля, убирая «Роман- газету» в сумку.– И почему Прозорливая?

– А это наша местная прозорливица.– пояснила Валя.– Она талантом предвиденья обладала. Люди к ней со своими проблемами приезжали. Подходили к её кровати, умоляли, а она

спокойно так руки на голову клала и говорила: «Иди домой. Всё волей Бога будет.» А как люди возвращались обратно в свои сёла, города или деревни, так и правда все молитвы сбывались. Только умерла Сашенька. Её тут и похоронили. К сожалению, люди сейчас только к могиле её и могут подойти.

Нелли понятно кивнула. Она когда-то сама, будучи ещё совсем ребёнком, обладала достаточным уровнем наивности, чтобы верить в исполнение заветных желаний. Но, будучи уже во взрослом возрасте, до мозга костей коммунисткой, возвышать она могла разве что самого человека и труд, благодаря которому он пришёл ко всему, что имел. У девушки действительно была мечта, которую та с трепетом оберегала в глубине своего девичьего сердца и может даже втайне могла надеялась, что если обратиться к Святой, то сможет её исполнить. Но сама мысль об этом вызывала в душе сильный протест, ибо то, что она загадала бы, не исполняется благодаря одному только ожиданию, ибо тогда кому-то, отвечающему за её исполнение, пришлось бы перекроить заново весь сотворённый мир.

Водитель доставил девушек до сельской больницы. Жарко. Пообещав, что после отчёта в школе она обязательно за ней придёт и настояв на том, чтобы Нелли её подождала, Валя помогла подруге спустить дорожную сумку. Крепко обняв на недолгое, но всё-таки прощание, Валя шепнула ей на ухо: "Удачи".

Но удача, уже наполненной до краёв (Смотри, скоро пе-

рельётся!) стремлением к труду и обороне, Нелли была не нужна. Девушка подошла к зданию сельской больницы, глядя на небольшие, с облупившейся белой краской ворота, и вдруг ощутила такое же будоражащее волнение, какое ранее испытывала, глядя когда-то на двери Уржумской фельдшерско - акушерской школы. Это было чувство, сравнимое с щекоткой внизу живота. Приятное возбуждение, поднимающееся всё выше и выше к самому сердцу. Когда-то пятнадцатилетняя Нелли заявила отцу, что уедет и будет учиться, а он, почесав затылок, на следующий день, скрипя сердцем, продал корову, купив дочери пальто да хромовые сапоги.

«Это всё, что я могу тебе дать.»- сказал отец на прощание.
- «Если хочешь учиться- учись.»

И, возможно, тогда для него самого он действительно сделал мало и недостаточно, но для Мельчаковой отец, сам того не ведая, сделал всё, что от него требовалось. И уже будучи поступившей студенткой, Нелли всё никак не могла поверить в окружившую её сказку.

Так и сейчас, глядя на холодные стены больницы, она не верила в то, что дошла до этого момента. Знания, накопленные за годы, тот большой труд, который она вложила в то, чтобы учиться дальше, скоро обретут смысл и будут использованы на практике. Это было словно увидеть самолично, как тобой же выращенная птица распахивает крылья и летит вдаль. Ощущение значимости и понимания того, что после долгих поисков ты наконец-то занял своё место, сыграв роль

в жизненном кружеве, где каждая нить судьбы пересекается с другой такой же нитью и не может существовать без таких вот связей.

Шурминская больница представляла собой двухэтажное здание с простым деревянным крыльечком. Первый этаж был каменным, покрашенным белой краской, а второй из дерева, с вытянутыми почти до пола большими окнами. Из крыши маленькими домиками торчали печные трубы. Поправив на плече лямку сумки, девушка прошла через ворота, внимательно вглядываясь в окна. В приёмном покое её ожидала уставшая пожилая медсестра, которая сидела на стуле и что-то вязала, напевая себе под нос. Завидев студентку, женщина подняла голову, внимательно разглядывая её из-под толстых стёкол очков.

– Заболели?

– Здравствуйте.– спешно поздоровалась девушка, смутившись.– Нет, пришла для прохождения производственной практики. Я Нелли Мельчакова.

Медсестра окинула пришедшую оценивающим взглядом. Недовольно поморщившись, ответила:

– Халат носить надобно, милая. Иди, иди на второй этаж и прямо налево. Последняя дверь ведёт в кабинет нашей Ларисы Геннадьевны. И, ради Бога, где Ваш халат?

Нелли поспешила поставить сумку на стоящую рядом с дверью скамейку. Под пристальный взгляд медсестры достала аккуратно сложенный халат, шапочку и марлевую повяз-

ку из коричневого пакетика. Переодевшись, Нелли сменила уличные туфли на более удобные лодочки, которые ей удалось купить в этом году благодаря прошлому, рабочему лету, когда они с Ритой продавали зерно на рынке.

В больнице было пусто и тихо. Каждый шаг Нелли казался громким и звучным, отчего она то и дело стеснительно оборачивалась. В отделении лежал всего один мужчина, который, завидев нового работника, приветственно кивнул, после чего снова скрылся за раскрытой газетой. В комнате медсестры сидела хорошенькая, молодая женщина с чёрными, убранными под белую шапочку волосами. Она что-то увлечённо писала и даже не подняла головы, когда девушка прошла мимо. Уже у самой двери Нелли глубоко вздохнула, набирая воздух в лёгкие, и только после этого поборов волнение, постучалась.

Лариса Геннадьевна сидела возле окна за столом и заполняла бумаги. Рядом с ней лежал стетоскоп. Обстановка кабинета была простой, незамысловатой: небольшой шкаф с папками у стены, диван с мятым покрывалом, на нём, оставленная на подоконнике кружка, видимо из-под утреннего чая. Сама женщина выглядела усталой, словно это была далеко не первая ночь, которую она провела без сна. Между двумя строгими каштановыми бровями полоски грубых морщин. Волосы с проблесками седины зачёсаны назад, в ушах блестят небольшие золотые серьги.

– Здравствуйте, – Нелли вошла в ординаторскую, мягко за-

крывая за собой дверь.– Я Нелли Васильевна Мосунова. Студентка третьего курса, подгруппа «А». Уржум. Прибыла к вам на практику.

Женщина положила ручку, устало взглянув на студентку.

– Рада видеть, Нелли Мосунова.– врач поднялась со стула и осторожной, прихрамывающей походкой подошла к девушке протягивая руку.– Лариса Геннадьевна. Главный врач Шурминской больницы.

– Очень приятно.

– Приятно видеть отличницу в наших рядах.– женщина вернулась за стол.– Присядь, дорогая, на диван. Сейчас Машенька, наша медсестра, освободится и всё тебе тут покажет. Я уже изучила твои документы. Очень неплохо.

Нелли послушно села, отодвигая рукой лежавшее на диване одеяло. Её взгляд зацепился за сморщенную в углу подушку. Врач дотянулась до оставленной на подоконнике кружки и, сделав последний глоток, поставила её уже к себе на стол. Какое-то время женщина долго молчала, смотря в окно. Пальцы торопливо барабанили по столу.

– Больница у нас небольшая.– начала рассказывать Лариса Геннадьевна.– Если подозрение на пневмонию или что серьёзное сразу отправляем в Уржум. Так что практика будет несложной, спокойной.– Женщина в противовес своим словам зевнула.– Бывают и у нас случаи разного толка. Я в этом месяце тут единственным врачом осталась. Медсестричек и того две. Так и живём пока. Ну хоть лишние руки будут.

Нелли кивнула, завороченно следя за тем, как не по возрасту крепкие руки Ларисы Геннадьевны продолжают отбивать мелодию по столу.

– Думаю, заняться будет чем.– врач кивнула собственным мыслям. Словно всё это время она только и делала, что обдумывала в уме план практики и только сейчас пришла к его верной структуре.– План передам позже.– женщина положила руки к себе на колени, окончив свою странную нервную композицию.– Да, я определённо найду, чем тебя загрузить.

Глава 3

На дворе был уже вечер, когда Валя, получив на руки план своей практики от Филиппа Макаровича, подошла к больнице. Неприветливая медсестра у дверей скептически оглядела её с головы до ног, но лишь махнула рукой, продолжив собирать свои немногочисленные вещи. Нелли, усталая и не совсем довольная, вышла к ней спустя двадцать минут ожидания. Попрощавшись с заканчивающей своё дежурство Натальей, Нелли убрала халат и шапочку обратно в сумку, после чего подруги молча покинули больницу. Только отойдя на некоторое расстояние, Нелли продемонстрировала Вале замаранные чернилами руки.

– Да, документации у них хоть отбавляй, я тоже сидела писала.– Валя поддерживающее улыбнулась.

Нелли выглядела как ребёнок, которому обещали показать настоящую ракету, а в итоге ограничились лишь чертежом.

– Лариса Геннадьевна поразительная женщина!– Мельчакова перепрыгнула через небольшую лужу на дороге.– Как двигатель, то туда то сюда.

Валя задрала голову, смотря на помрачневшее вечернее небо. Прохладный воздух трепал её распущенные, прикрытые косынкой волосы.

– Она всегда такой была.– Кузнецова пнула ногой попав-

шийся на дороге камешек.– Даже когда мужа с сыном похоронила.

Мельчакова бросила на Валю многозначительный взгляд. Война искалечила многих, и можно было пересчитать по пальцам тех, кто не потерял кого-то из своей семьи. Вся страна погрузилась в общее горе, где каждый друг друга понимал без слов и уточнений, ибо кровавую цену успел прочувствовать на себе каждый.

– Это дом семьи Мосуновых.– вдруг сказала Валя, остановившись.

Нелли, до этого плутовавшая в лабиринте из собственных раздумий, замерла следом, поворачивая голову в сторону небольшого домика, на который смотрела подруга. Это был маленький, но аккуратный деревянный домик. Один этаж, окна, украшенные резными, выкрашенными в синий наличниками, крепкий резной заборчик. Во дворе, возле жестяного таза сидел широкоплечий высокий мужчина и чистил картошку. С их места была видна лишь его макушка. Валя схватила пальцами край рукава Нелли. Кивнув в сторону домика, повела её за собой.

Филипп Макарович аккуратно, чёткими, выверенными движениями срезал с картофеля тонкую кожуру небольшим ножиком. Завернувшись в спираль кожица серым червяком падала на дно таза. Очищенный картофель кидался в наполненное водой ведро. Нелли сразу заметила, как были тонки и изящны пальцы мужчины. Длинные, с натёртыми и уже

огрубевшими мозолями. Валя и Неля шли медленно, проходя мимо его дома, и с каждым шагом пытливым глазам открывались новые детали. Уже можно было разглядеть добродушное, по-настоящему красивое мужской красотой лицо. Волосы чёрные, усердно зачёсанные назад. Профиль строгий и почти аристократичный. Губы задумчиво поджаты. Если бы Нелли не знала, что этот человек живёт в Шурме, то подумала бы, что это столичный мужчина вернулся навестить семью. Так по-городскому строго он выглядел.

– Филипп Макарович!– крикнула Валя, махая рукой.

Нелли от этого крика вздрогнула и замерла, растерянно смотря на подругу. Даже и не заметила, как залюбовалась. Невольно, как человек на выставке цепляется глазом за интересную картину и замирает, погружаясь в неё. Мужчина поднял голову. Посмотрел в их сторону. Глаза у него оказались зелёными.

– Снова здравствуйте, Валя!– крикнул он в ответ, после чего вернулся к работе.

Валя, хихикнув, схватила подругу за руку, потащив дальше по улице к своему дому. Домик этот находился совсем близко, в паре шагов от дома Мосуновых, и утопал в густой зелени деревьев. Сквозь переплетения свежей листвы выглядывала слегка покосившаяся дверца и край украшенного резьбой окна. Подойдя к крыльцу, они вдруг слышали доносящийся сзади девичий смех.

– Филипп Макарович, здравствуйте!– звонкий, как коло-

кольчик девичий голос, резанул тишину.– А мы вам тут яблочный пирог принесли!

Нелли и Валя синхронно обернулись, словно одна подловила мысль другой в воздухе. Валя смотрела с насмешкой, а Нелли больше с участливым интересом. Рядом с заборчиком Мосуновых стояла молоденькая девушка, укутанная в вязаную белую шаль. В руках гостыи дымился золотистый пирог. Светлые волосы укрылись за тонкой шалью. Лица не видно. Рябина заслоняла обзор на дом и верхнюю половину забора своей ажурной, увенчанной белыми соцветиями гривой. Оттого можно было разглядеть лишь загорелые руки и часть тела незнакомки. Чуть поодаль, там, куда тонкие ветви не доставали, прижавшись друг к другу, стояли две девушки, прячущие свои ухмылки за прижатыми ко рту ладонями.

Валя потянула Нелли за рукав платья, вынуждая наклониться к себе ближе.

– За Филиппом Макаровичем всегда много девушек ходило.– шепнула на ухо Кузнецова.– Он первый парень на селе. Красивый, образованный. Рита бы точно оценила, если бы тут была.

Филипп Макарович подошёл к гостье, вытирая руки полотенцем. К своей подруге тут же подлетели стайкой другие девушки и принялись наперебой что – то говорить. Их звонкие голоса сливались в причудливую мелодию, оттого было сложно разобрать, о чём именно они пытались сообщить. Нелли добродушно усмехнулась, переводя взгляд на качаю-

щиеся на ветру ветки рябины. Вдохнула запах горьковатой свежести. Становилось прохладно.

– Повезло мне с наставником.– Валя гордо вздёрнула подбородок.– Пошли, мама наверное, заждалась уже.

Домик Кузнецовых был на диво просторным. Небольшой коридор вёл в главную комнату, где в одном углу располагалась ухоженная кухонька, а в другом - большая кровать с висящим над ней портретом Валиного отца. Посередине, рядом с окном, на котором колыхались узорчатые белые занавески, расположился стол, на столешнице которого пыхтели, выпуская в воздух ароматный дым, румяные пирожки. Солнце проникало сквозь шторы, падая на стоящий рядом с тарелкой кувшин с рубиновой жидкостью. В двух оставшихся комнатах располагались спальни: одна для двух старших братьев, а вторая - Валина. Во вторую комнату Нелли и заселили.

Мать Вали, вдовствующая полноватая женщина, облачённая во всё чёрное, накормила девочек картошкой с мясом и пирожками, а затем, поставив на стол ещё и кружку с компотом, отправила своего среднего сына Евгения топить девочкам баню, а после заставила ещё и чистить яблоки на пирог. Саму Валью она всё не выпускала из поля зрения и постоянно дёргала за края одежды, словно проверяя, точно ли перед ней стоит дочь или это всего на всего ночное видение. Евгений Кузнецов только глаза закатывал, смотря на всё из сво-

его угла, в котором чистил яблоки. А Нелли от таких нервных проявлений любви млела. Так приятно было наблюдать за матерью и дочерью.

– Ты ещё салом её накорми, чтобы жирок нарастила.– выкрикнул Евгений, проводя рукой по волосам цвета пшеницы.– А то вот как осунулась!

Валя бросила на брата сердитый взгляд, но Авдотья, уже вскочив, принялась искать кусочек припрятанного сала. Нелли тихо посмеивалась, скрыв улыбку под ладонью, наблюдая за тем, как Валечка, обычно примерная и самая тихая на их курсе девушка, раздувая ноздри от злости, грозит брату пальцем.

– Хорошо, что у Филиппа Макаровича будешь.– Авдотья поставила на стол тарелку с нарезанным салом.– Ты тоже, дорогая, кушай, кушай, совсем хилая. Так, о чём это я? Он хоть и молодой совсем, но очень талантливый и добрый. К слову, Фёдора помнишь?

Валя напряглась. Поставила кружку на стол, замерев. Брат в углу отвёл руку с ножом в сторону от яблока. С интересом на сестру взглянул, чуть наклонив голову.

– Он вернулся к нам. Год назад ещё. Теперь водителем санитарной машины работает. Это он кусочек сала мне добыл. Угощайтесь, дорогие! Нелли, ну что ты не ешь?

Мельчакова, чтобы не расстраивать хозяйку, взяла небольшой кусочек сала. Положила в рот, наслаждаясь солоноватым вкусом. Валя даже не притронулась. Задумчиво

мешала ложкой чай. Авдотья после всё про село рассказывала, а как стол оказался пуст, отправила студенток в баню, кости с дороги распарить.

Валя подняла еловый веник, встряхнула его от горячей воды над тазиком. Сидевшая на деревянных согретых досках Неля расслабленно нежилась, ощущая каждой косточкой, как тепло бани вместе с пропахшим хвоей воздухом проникает в лёгкие. Всё равно, что дышать лесом.

– Находится оно в тридцати девяти километрах от Уржума. От нашего села до него, где-то сто пятьдесят семь километров. Примерно. Казалось бы.– Валя сделала интригующую паузу.– Не так далеко. Но местные боятся этого озера, стороной обходят.

Есть одна легенда. Мне её отец ещё говаривал. Жили в том месте два племени. Одно поклонялось Светлому Богу, другое – Шайтану. И случилась между двумя племенами битва страшная. Не на жизнь, а на смерть. Проливались кровавые реки. Падали замертво люди. Побеждал народ Светлого Бога. Только когда поднялось солнце над землёй, стало понятно – своих убивали. Шайтан на то и бес, что в игры играть любит, плести интриги. Затуманил он сознание людям, так что свои на своих пошли с оружием. А как очнулись, уже поздно было. Море крови и пролитых скорбных слёз окропило землю. И так была глубока и сильна скорбь оставшихся детей и женщин, что сама Земля не выдержала и прогнулась.

На месте провала и появилось озеро Шайтан. Вода в нём подобно крови: чёрная, пугающая, будто спусть столько лет кровь погибших, разведённая солёной водой слёз, до сих пор в этой яме колышется. А как подойдёшь ближе, зачерпнёшь воды, так она чистая, как слеза матери, оплакивающей потерю сына. Поднимаются из недр озера столбы воды. Это Шайтан, поселившийся в том озере, злится.

– Не верю!– Нелли убрала с лица прилипшие мокрые пряди волос.– Не бывает никакой мистики. Всему своё объяснение есть. Столбы воды, наверняка, образуются из– за высокого давления.

– А тебе лишь бы всему объяснение найти.– Валя шлёпнула веником по голым ногам Нелли.– Межу прочим, говорят, что рядом с тем озером жил местный владелец леса – помещик Мосолов. Повадились у него крепостные лес воровать, так он в качестве наказания их всех в озере Шайтан искупал. Сразу лес трогать перестали!

Нелли спрыгнула с деревянных досок. Подошла к тазу с холодной водой, с блаженством окуная туда руки.

– А озеро красивое?

– Красивое!– мечтательно протянула Валя.– Овальной ровной формы. Словно чаша посреди густого леса! Вокруг деревья густые, зелёные, отражаются в спокойной глади. Расслабишься, смотря на обманчиво спокойные воды, а тут раз!– девушка хлестнула веником по голой спине Нелли, отчего та обиженно вскрикнула.– И столб воды вырывается! Будто кто

- то озеро из земли проткнул. Нелли, ложись обратно сейчас выбьем из тебя весь твой рационализм!

Мельчакова зачерпнула холодной воды и умыла ею покрасневшееся лицо. Затем послушно вернулась на доски. Отвернулась к чёрной закопчённой стене бани. Провела по ней задумчиво пальцем. Постаралась представить себе это озеро. Вообразить, как сама своими глазами видит его, как подходит, ближе, касаясь воды, и как вдруг вырывается столб, достигающий самого неба.

Аромат хвои кружил голову. Жар приятно согревал кости. Валя легонько ударяла по спине Нелли веником, продолжая рассказывать об озере Шайтан. Сознание Мельчаковой уже постепенно уходило в приятную дрему, и она уже не могла воспринимать их разговор.

Она вдруг увидела мать. Было ли это чудным видением или внезапно пробудившимся воспоминанием, Нелли не знала. Она лишь хотела как можно дольше продлить это мгновение. Анисья сидела на скамейке возле их старой избушки. Вдалеке пели птицы. До ушей Нелли доносились голоса её брата и сестёр. Они что-то обсуждали между собой, развешивая бельё на жёсткой верёвке. Воздух надувал простыни, превращая их в паруса. Женщина сложила бледные руки на коленках. К этим рукам прильнула маленькая Нелли, положив светлую головёнку на горячие ладони.

– Неля!

Голос Вали дрожал от испуга. Веник упал где-то рядом с

противным шорохом. Приятный сон пошёл рябью, и девушка вдруг открыла рот в немом крике, вытягивая вперёд руку. Она пыталась удержать этот чудный подарок разума, но видение уходило дальше и дальше, покрываясь мутной поволокой. И вот уже и образ матери, и сама маленькая Неля, прижавшаяся к ней в наслаждении, слились в единое пятно.

Мельчакова, выдернутая за уши из неги умиротворения, с трудом разлепила ставшие тяжёлыми, словно мёдом помазанные ресницы. Валя склонилась над ней, испуганно тормоза за плечи. Уже позже девушка вдруг поняла, что лежит она в предбаннике, на её нагое тело наброшено полотенце, а дверь, ведущая в баню, чуть приоткрыта, впуская спасительный холодный воздух. Валя с трудом принялась помогать Нели подняться. Приподняв подругу, студентка накинула на неё домашний халат, после чего плотно его запахнула, завязывая верёвкой под грудью.

– Держи, нашёл только такую водку.– Женя осторожно приоткрыл дверь бани так, чтобы смогла протиснуться рука. В щель не смотрел. Прицепился взглядом к одиноко растущему рядом с баней дереву.– Вам там помощь не нужна?

– Пришла в себя. Помогите отнести в дом.

Женя убрал руку, прикрыв дверь бани так, чтобы воздух продолжал попадать в помещение, но при этом не слишком сильно морозил ещё мокрых девушек.

– Да, заходи, одетые мы!– рассерженно крикнула брату Валя, убирая из-под ног Нели свёрнутые полотенца.

Евгений быстро открыл дверь и, войдя в баню, опустился на колени перед ещё бледной Мельчаковой. Осторожно, словно новорожденную из колыбели, взял её на руки.

– Держись за мою шею.– попросил он.– Сейчас быстро добегу! Держись только!

– Неля, может вызвать кого? Могу Филиппа Макаровича позвать.– спросила Валя, выбегая следом.

На Кузнецовой болталась старая куртка брата. Волосы она убрала под полотенце.

– Нет.– шепнула Нелли, после чего, прокашлялась, прочищая горло.– Всё хорошо, правда.

Окно было открыто. Тонкая, висевшая на окне кружевная шторка трепетала от лёгкого ветерка.

– Пульс все так же в норме.– заключила Валя, убирая пальцы с запястья однокурсницы.– Да и кожные покровы не такие бледные.

Неля вяло улыбнулась. Она сидела на кровати Вали, грея руки о чашу с горячим чаем. Воспоминания о видении были свежи и заставляли сердце болезненно сжиматься от того, что в реальности этому уже никогда не быть. Она давно уже боролась с чувством отчаяния, которое появлялось постоянно, когда она вспоминала свою маму. Есть вещи, которые никогда больше не повторятся, и эти вещи, как назло, бывают просто необходимы в такие вечера, как сегодня. Но сейчас с ней была Валя, что так трепетно ухаживала за ней,

и думать о печальных вещах не особо хотелось.

– Нет у меня теплового удара и не было!– отмахнулась она, ставя кружку на столик, стоящий рядом с кроватью.– Вот такая я кисейная барышня! Отвыкла уже от такой горячей бани.

Валя покачала головой. Мельникова слезла с кровати, несмотря на все её просьбы этого не делать, подошла к подоконнику и, держась руками за холодную стену, залезла на него с ногами. Осторожно, дабы не сбить стоящую рядом вазу с букетом полевых цветов, подогнула ноги к груди, положив голову на коленки. На улице уже было темно. Где - то рядом стрекотал кузнечик. Из - за плотных туч небо, казалось, сливалось с землей на линии горизонта. Ни одной звёздочки не видать.

– Почему ты хотела позвать Филиппа Макаровича?– поинтересовалась Нелли.– Он же школьный фельдшер, разве нет?

В голове вообразился мужской силуэт. Тонкие пальцы, держащие нож. Зелёные глаза, светящиеся радушием.

– Лариса Геннадьевна свой пост в больнице держит.– Валя подошла к окну.– Местные иногда по знакомству просят зайти к ним Филиппа Макаровича, а он и не отказывает. Все знают, что врач у нас одна и может быть занята более серьёзными пациентами. Не хотят её лишний раз больным горлом тревожить. Но это, если что, так, по-соседски и неофициально. А ты чего залезла сюда? Что, своё знамение ждёшь!– Валя прищурилась, стараясь всмотреться в хмурую картину за

ОКНОМ.

– Что ещё за знамение?– дёрнула плечом Неля.

– Судьбоносное. Как горящий крест!

Неля хмыкнула, подняв голову.

– Снова ты со своими байками?

– А что сразу с байками?– нахмурилась Валя.– Между прочим, реальные истории! И про горящий крест! Вот тебе крест!

– Что за горящий крест? Расскажешь?

– В сорок первом Сипачёв с товарищами возвращались с Нижней Шурмы домой. Где-то в шесть вечера это случилось. В июне двадцать первого.

Дождь начинался уже молнии вдалеке сверкали. Оборачиваются Сипачёв со своим товарищем Сергеем, как позади села, прямо над хвойной рощей, возвышается горящий шар. В небе! Словно само небо раскалило железо! А посередине этого шара вертикальный крест. Вернулся он домой, рассказал обо всём матери. А та ему и говорит: «Этот крест понесёшь ты всю свою жизнь. Для тебя не будет он лёгким!» Двадцать второго июня уже война началась. Друг Сергей с фронта так и не вернулся. Погиб. Да и сам Сипачёв говорил, что жизнь у него тяжёлой оказалась. Всё как мать говорила.

Нели только плечом повела. Не верила она ни в загробную жизнь, ни в знаки судьбоносные. Мало ли что тем людям в бреду померещилось? С фронта много кто не вернулся, а тяжёлая жизнь у всех и каждого сейчас. Но вслух говорить это-

го не стала. Уж больно восторженным был взгляд Вали. Кузнецовой. Хотелось показать подруге все грани своей малой родины. Как самое сокровенное, она делилась с ней местными легендами, подобно тому, как уставшие от жизни старики делятся с внуками байками из молодости. Ведь любая легенда, слух или простая история являются такой же частью человеческого пути и времени, как и написанные классиками книги.

– Говорят, что перед страшным событием, природа даёт знаки.– заметила Валя.– Крест, как предупреждение людей о кровавом и жестоком времени. Знак свыше! Это как вой собаки на мертвеца!

В сером полотне за окном что-то блеснуло. Нелли пригляделась стараясь понять; что это может быть такое? Из-за линии горизонта показался округлый золотой бок.

– В сорок первом в нашей области ещё странного человека во время грозы видели!– продолжила Валя.– Шла одна студентка из поселка Андреевский в Ситьмяны, а на пути у неё человек из ниоткуда. Весь в чёрном, только котомка за спиной белая. Произошло это также летом, во время сухой грозы. Студентка голову опустила, побоялась смотреть на него. Так и прошла, да только не домой вернулась, а к мясокомбинату. Оглядывается, а незнакомец в лес сворачивает! Гроза, говорят, с того света людей приносит. Мне мама всегда говорила в грозу дома сидеть. Мол, в это время два мира смешиваются.

Круглый золотой бок стал больше. Засветилась между небом и землёй прорезь, словно кто-то ножом полоснул. Валя тоже это увидела. Прильнула к окну вместе с Нелли, заворожённо наблюдая за природным явлением.

– Ой, мамочки! Это крест? Это то самое знамение?

Студентки сглотнули слюну, наблюдая за тем, как постепенно выкатывался золотой шар. Даже не верящей во все страшные истории Нелли, стало не по себе. Валя вцепилась в руку Мельчаковой холодными пальцами, готовая уже сама провалиться в обморок, но тут послышался облегчённый выдох Нелли.

– Нет, луна это. Всего-навсего луна.

Глава 4

Профилактический осмотр в школе проводился после обеда, когда большинство учеников уже освободилось от занятий. За окном лил стеной внезапно упавший на Шурму дождь. Вдалеке то и дело гремел гром. В коридоре перед фельдшерским кабинетом столпилась оживлённая очередь из галдящих детей. Валя слышала их бодрое щебетание даже через закрытую дверь. Практикантка сидела за принесённым из какого-то класса столом и, подобно преподавателю, принимающему экзамен, вызывала к себе по одному ученику на осмотр.

Сначала шли девочки. Каждый раз, когда дверь открывалась, впуская внутрь очередную школьницу, какое-нибудь шкодливое, мальчишеское лицо выныривало из коридора, сиюсь рассмотреть, что происходит. Девочки в коридоре взвизгивали и грубо толкали незадачливого шпиона обратно, а вошедшая, стесняясь, поднимала блузочку и морщилась, когда холодное ухо стетоскопа касалось кожи.

«Дыши- не дыши – снова дыши. Открой рот.»

Валя измеряла рост, вес, интересовалась самочувствием, затем строго записывала все данные в журнал под внимательным наблюдением Филипп Макаровича. Вышедшую школьницу хватали в коридоре, расспрашивая: "Целых три сантиметра! Не ври, всего один, я слышала! " Валя снисхо-

дительно улыбалась, опуская ручку на стол. В её военные годы они с подружками волновались о выполненном или невыполненном плане, и сколько будет у них времени на то, чтобы от колхоза до речки пробежать, смыть с себя пот и усталость.

Пот, впрочем, смывался, а вот усталость - нет. Наоборот, после купания ещё сильнее млело. Хотелось лечь на мягкую траву, да глаза закрыть под палящим солнцем. А ещё лучше выпить перед этим кружку кваса. Холодного такого, немного горьковатого. А вместо этого приходилось быстро одеваться и идти обратно работать, пока солнце не сядет. Вечером всё тело жутко болело, а на руках лопались натёртые по незнанию мозоли.

Мальчики были куда менее стеснительными, чем девочки. Залетали бодро, словно не на профилактический осмотр пришли, а на выдачу бесплатных заграничных кондитерских изделий попали. С интересом разглядывали практикантку. Неумело пытались делать комплименты, но зато почти мастерски, на уровне явно актёрском, приписывали себе различные болезни. Жалко, что знаний не хватало, а оттого и так просто разоблачались Филиппом Макаровичем.

– Кузнецова, добрая ты душа.– вздохнул Филипп Макарович, отпуская очередного умирающего от редкого вида краснухи ученика. – Уметь надо различать, где диагноз, а где мнительность. То, что он описывает уже на последней стадии проявляется. Вычитал из книги, а соотнести не смог.

– Ну Филипп Макарович!– Валя протёрла стетоскоп ваткой

смоченной в спирте.– А если они серьёзно? Обращаются за помощью. Мы же, вроде, помогать должны.

– Когда надо их и калачом не загнать.– усмехнулся Филипп, смотря на практикантку.– А так услышали, что новенькая приехала так уже план продумали. Скажешь; «Да есть подозрения» а он потом матери своей наговорит такого, что бедная женщина с работы отпросится и в Уржум его повезёт сядя от страха.

– Филипп Макарович, можно вас?– раздался из- за двери встревоженный голос.

Школьный фельдшер, прочувствовав в голосе панические нотки, напрягся. Аккуратно отложив все бумаги, вышел из- за стола.

– Заканчивайте пока с мальчиками.– потребовал он, касаясь ручки двери рукой. Немного постояв, обернулся.– Если что, меня подождите.

– Не переживайте, Филипп Макарович.– кивнула Валя.

Школьный фельдшер вышел. Раздались оглушительные раскаты грома. Совсем рядом мелькнула молния. Сильнее забарабанили дождевые капли. От разбушевавшегося ветра едва прикрытая форточка вдруг с размаху влетела в стену, звякнув стеклом. Не разбилась– уже хорошо.

– Проходите следующие!– крикнула Валя.

Валентина Никифоровна схватила Филиппа Макаровича за рукав белого халата. Торопливо потянула, прося пойти за

ней.

– Быстрее, быстрее Филип Макарович.– дорожащим, запи-
нающимся, будто от холода голосом, торопила она, идя по
коридору.– Дело важное, очень важное!

– Да что случилось– то?– не понимал школьный фельдшер,
следуя за ней.– Объясните хоть ситуацию!

Женщина ускорила, заворачивая за угол. Остановилась
возле закрытой двери в кабинет. В тусклом свете она каза-
лась ещё более бледной, чем обычно. Руки мелко так тряс-
лись, и дабы их успокоить, женщина вытащила из кармана
юбки платок.

– Я столкнулась с ним в коридоре.– женщина вздохнула.–
Он не хотел идти на осмотр и прятал лицо. Пришёл на урок
в форме, как полагается, а лицо портфелем закрывает. До
этого неделю не появлялся. Отец говорил, что простыл, но
справки– то нету! А ругать то его бесполезно. Знаю, что отец
у него никудышный.– учительница понизила голос.– Я думаю,
может подрался с кем. Он же часто дерётся а он.. У него сыпь
на лице, понимаете?

Филипп Макарович нахмурил толстые брови. Сыпь симп-
том опасный, а лучше даже сказать заразный, смотреть надо.

– Почему сразу не сказали?– школьный фельдшер вытащил
из кармана халата новую марлевую повязку.

– Так заперся он, Филипп Макарович!– взмахнула руками
Валентина Никифоровна.– Устала уже, сил нет! Бегаешь за
ними, бегаешь!

– Валентина Никифоровна.– мягко прервал он её.– Сходите, пожалуйста, к практикантке моей, скажите, чтобы быстрее осмотр заканчивала да отпускала всех. Надо мальчика всё равно осмотреть нормально. И вызвать Фёдора надо.

Женщина кивнула, продолжая мять в руках несчастный платок.

– А вы тут справитесь?– с сомнением спросила она.– Может Андрея Сергеевича позвать? Дверь выбить?

За дверью раздался детский стон. Кто– то всхлипнул и сильно дёрнулся, из– за чего обо что– то ударился.

– Нет, справлюсь.

Учительница поспешила уйти, а Филипп Макарович по– дошёл к двери, приложив ухо ближе к холодной, деревянной поверхности.

– Как твоё имя?– крикнул он.

Тишина. Слишком внезапная, чтобы быть настоящей.

– Послушай, мальчик, я знаю каждого поименно в этой школе. Назови своё имя. Я обязательно помогу тебе! Разве есть смысл вот так вот прятаться?

– Вы меня лечиться заставите.– послышалось глухо из– за двери.

– А просидеть всю жизнь в классе лучше, чем немного потерпеть и вылечиться?– Филипп снова постучал по двери.– Шило на мыло меняешь.

Молчание.

– Я думал, у нас все храбрые, как солдаты. Трусов нет.– на–

давил на мальчишеское достоинство Филипп, и это сработало так же хорошо, как срабатывает на мальчишках обещание показать что-то редкое и уж точно поразительное.

– Я не трус!

– Тогда ты бы сейчас разговаривал со мной лицом к лицу, а не за дверью.

Раздались торопливые шаги. Звякнул замок. На Филиппа взглянули покрасневшие глаза Андрияши Горюнова. Пятиклассник приоткрыл дверь еще шире. Сделал короткий шаг в коридор. Шмыгнул носом картошкой. Всё лицо мальчика усыпала бледно-розовая сыпь.

– Андрияша,– Филип сел около мальчика на корточки.– как давно это у тебя?

Мужчина вытащил из кармана халата перчатки, затем поспешно натянул на нос марлевую маску.

– Вчера появились.– заверил мальчик.– Я папе сказал, а он, сказал что нормальные люди дольше недели не болеют, значит я точно ненормальный и могу идти в школу, ибо все равно скоро помру как скотина безродная.

Голос его дрожал, как и нижняя губа. Он старался держаться стойко, как подобает дворовому мальчишке, но страх, промелькнувший в зелёных глазах школьного фельдшера, будто толкнул шаткую опору под ним. Филипп попросил его повернуться. Приподнять рубашку. Худая спина с хорошо видными острыми позвонками тоже была усеяна сыпью. Обнаружилась она на руках и на ногах. Мелькали пят-

нышки и возле покрасневших то ли от жара, то ли от стыда ушей.

– Пошли, Андрюша, нужно ко мне в кабинет заглянуть.– ласково, по- отцовски, попросил Филипп, беря его за руку.

Андрюша руку выдернул. Гордо вернулся назад за портфелем и только после этого пошел на негнущихся ногах за фельдшером. Филипп страховал мальчика, и то и дело оставиваясь, чтобы проверить, идёт ли он за ним. И тот шёл. Видимо, мальчишеское упрямство силы давало.

Уже в кабинете фельдшера их встретила обеспокоенная Валя. Студентка, мазнув взглядом по изрисованному сыпью лицу, снова натянула марлевую повязку к себе на нос. Филипп Макарович молча усадил мальчика на стул. Вытащил стетоскоп. Попросил поднять футболку. Дыхание у Андрюши тяжёлое, жесткое.

– В больницу надо.– резюмировал он, складывая стетоскоп.
– Очень на корь похоже.

Валя подбежала к шкафу. Открыв створки, вытащила банку с градусниками. Взяла один и протянула Андрюше. Тот послушно сунул его себе подмышку. В дверь торопливо постучали. Филипп облегчённо выдохнул, радуясь такой быстроте исполнения.

– Добрый день, Филипп Макарович.– в кабинет фельдшера зашёл высокий, жилистый парень в форме. Из-под шапочки торчали рыжие пружинки волос. На лице рассыпаны звёздами веснушки. – Машина готова, можем ехать!

Валя на него внимательно взглянула, прищурилась в неведении. Узнала лицо знакомое. Это Фёдор был, друг её брата Жени. Они оба со школьной скамьи, как два брата по земле ходили. Один, правда, в колхозе, а другой после учёбы сел за руль санитарной машины. Последний раз видела его ещё перед отъездом в Уржум. Фёдор приехал на каникулы поведать заболевшую мать. В один из выходных дней зашёл к Кузнецовым разговоры вести. Просил присмотреть за старушкой, пока его нет. В ту ночь они с Женей за столом просидели до самого рассвета. Валя за ними подглядывала из своей комнаты.

– Корь, Фёдор.– пояснил Филипп.– Нужно доставить к Ларисе Геннадиевне.

Водитель, как про корь услышал, напрягся. Вытащил марлевую маску из кармана, нацепил её на лицо. Серьёзные болезни зачастую означали, что придётся в город ехать. Дорога до Уржума недалёкая, но ухабистая. Потрястись надо будет. Он внимательно оглядел мальчика, оценивая его состояние. Глаз намётан: уже по внешнему виду, может определить, когда состояние тяжёлое и надо ускориться. Он хоть и не был врачом, но благодаря работе успел приобрести поверхностный, но опыт.

– Валя, ты?– удивился Фёдор, зацепившись глазами за практикантку в маске.– Не знал, что ты тут. Уже работаешь?

Кузнецова смутилась, покраснела. Она не думала, что он вспомнит её. Его присутствие напрягало, но девушка, на-

помнив себе о том, что сейчас находится на работе, постаралась взять свои эмоции под контроль. Валя развернулась к Андрюше, осторожно вынув стеклянный градусник. Глянула на красный столбик. Фёдор тем временем её внимательно всё разглядывал.

«Выросла. Определённо. Волосы уже не короткие, до ушей, а длинные, заплетённые в косы. Лица под маской не видно, но это определённо Валя. Только у неё могут быть такие глубокие, сводящие с ума глаза.»- рассуждал про себя Фёдор, не в силах отвести от неё взгляд. Он осознавал, что возможно смущает её своим вниманием, но ничего не мог с собой поделать. Валя была слишком дорога ему. Он бы узнал её из тысячи.

– Нет, я на практике- сухо ответила радуясь тому, что стыдливый румянец маска скрывает.- Тридцать девять, Филипп Макарович.

Мальчика собрали быстро. Вывели в коридор, выдав марлевую повязку. Усадили в санитарную машину. Филипп Макарович подозвал к себе Валу.

– Валя, я, возможно, останусь в больнице помогать. Если завтра меня не будет, то заменишь. Оформи до конца документы и провели лекцию о профилактики для пятых и шестых классов. Если что, можешь просить помощи у кого-то из учителей. Говори, что я тебя за себя оставил. Хорошо?

– Конечно, Филипп Макарович.

Филипп сел в машину, закрыл двери. Фёдор дал по газам.

Санитарная машина выехала за пределы школьного двора.

Глава 5

Нелли сидела у окна и разбирала брошенные на неё с лёгкой подачи медсестры документы. Санитарка, взволнованная и красная, влетела в кабинет Ларисы Геннадьевны. Женщина ловила ртом воздух, подобно утопающему, и некоторое время издавала сиплые звуки, жалко похожие на человеческую речь. Практикантка встала и двинулась к стоявшему на подоконнике кувшину с водой, чтобы предложить той смочить горло, ибо бедная женщина выглядела так, словно через секунду упадёт на пол, хватаясь за сердце.

– Мальчик. Привезли мальчика. Лариса Геннадьевна просит спуститься в приёмник.– санитарка резко отодвинула от себя предложенную воду. Рука девушки дрогнула, из-за чего пара капель упала на пол.– Его фельдшер принёс. Они оба сейчас там.

Нелли поставила стакан обратно на подоконник. Стекло звякнуло, ударившись о плитку. Быстро схватив с прибитого к стене крючка белый халат, Мосунова побежала по коридору, стуча каблуками. Уже у самых дверей она вдруг остановилась, взглянув на свои руки. Они дрожали. Проглотив образовавшийся комок нервов в горле, практикантка зашла в приёмный покой, накинув на плечи халат.

Лариса Геннадьевна, главный и на эту неделю единственный врач в сельской больнице, стояла около дверей, веду-

щих к выходу и о чём-то с очень серьёзным и обеспокоенным видом говорила со знакомыми Мельчаковой ранее лишь на словах, да издали, фельдшером. На смотровой койке, раздетый и мокрый от спирта, лежал мальчик лет десяти. Тело его было настолько худым, что можно было без особых проблем пересчитать все позвонки. Скелет, обтянутый кожей, а не тело. Волосы чёрные, сырые. По лицу и телу расплзлись красные пятна. Завидя их ещё издали, девушка сразу натянула на нос марлевую повязку.

– Лариса Геннадьевна.– шёпотом позвала Нелли, подходя ближе и осторожно бросая на лежавшего мальчика жалостливый взгляд.– Вызывали? Здравствуйте, Филипп Макарович.

Нелли не знала, стоило ли выдавать своё знание его имени, учитывая, что лично они знакомы не были. Но, немного подумав, решила, что единственного школьного фельдшера в Шурме знают все, и удивляться тому, что приехавшая из Уржума практикантка знает его имя, никто не будет. Филипп Макарович внимательно на неё взглянул, пытаясь вспомнить, видел ли он её раньше. Лицо было совершенно ему незнакомым, и, скорее всего, она даже никогда не бывала в Шурме ранее. Он, как местный фельдшер, знал каждого. Долг обязывал. Да и село не настолько большое, чтобы не замечать новые лица.

Глаза у девушки были голубые, как кусочек ясного весеннего неба. Смотрели внимательно, открыто и как-то изучаю-

ще. Волосы русые, собранные на затылке заколкой. За ухом топорщится короткая, выбившаяся из общей картины причёски прядка. Лицо со скулами, ромбовидное и сосредоточенное.

«Практикантка.»— догадался он.— «Валя же говорила, что на практику вместе с подругой приехала.»

Его мысли вскоре были подтверждены самой Ларисой Геннадьевной, которая, заметив свою студентку, тут же поспешила её представить.

— Это Нелли Мосунова, Филипп Макарович. Практиканта из Уржума. Нелли, поступившего зовут Андрей Горюнов. Отец его мариновал дома без лечения. Припарками, видимо, лечил своими.— Не сдержавшись, женщина скривилась. Как человеку науки, для неё все устаревшие бабушкины отвары казались непростительной глупостью.— А нам в таком состоянии уже доставляют. На ночь остаться надо будет. Думай, что это твоя первая ночная смена.

Нелли снова обернулась, взглянув на мальчика. Он был похож на птенчика, который по своей невнимательности выпал из гнезда, вследствие чего был потрёпан кошками. Худенький, беззащитный.

— Предварительный диагноз корь? Нелли вытащила из кармана блокнот с карандашом.— Какие будут указания?

— Какое лечение при кори?

— Лечение симптоматическое.

— Вот его и проводи.— врач потёрла переносицу, устало вы-

дохнув.– Видите, Филипп Макарович, разрываемся как можем. Физически сил уже нет.

– Ничего, Лариса Геннадьевна, приедет к вам скоро новый врач.– мужчина улыбнулся. Положил ей руку на плечо в товарищеском жесте.– Нам всем жалко было Михаила Васильевича, но что поделать годы берут своё. Зато с внуками больше времени в городе проводить будет. Нелли.– Филипп серьёзно посмотрел на практикантку. От его тёплых зелёных глаз сердце девушки пропустило удар.– я сегодня возьму ночную смену. Приду на подмогу попозже. Если состояние больного не стабилизируется, сразу посылайте за мной.

– Хорошо, Филипп Макарович.

Фельдшер удовлетворенно кивнул, после чего подошёл к мальчику. Наклонился, шепча: «Держись, дружище». Лариса Геннадьевна, зевая, взяла из рук Нелли тетрадь и ручку. Написала быстро рекомендации, напомнив строго придерживаться дозировки.

– Состояние мальчика стабильно, так что думаю, что все пройдет гладко. Главное, следи за температурой.– Дала напутствие врач, закутываясь в свою старенькую, поблекшую от времени кофту. Она уже собиралась уходить, как вдруг, остановившись у дверей, добавила; Хорошей ночной смены.

И в этот момент Филипп понял, что эта ночная смена точно не будет спокойной. Лариса Геннадьевна была человеком сильной научной закалки и во врачебные приметы никогда не верила, считая это унижением её огромного дела.

Сам Мосунов не раз сталкивался с нелепыми совпадениями, связанными с приметами на своей работе. Вкусил этого ещё сполна на первой практике. Пожелание "хорошей ночной смены" резануло его и потревожило, как тревожит сознание аварийная сирена, предупреждая о последующей атаке. Новая знакомая же выглядела воодушевлённо. Глаза её блестели, а прежняя чуть уловимая нервозность отпала. Она так и лучилась важностью.

«Видимо, стоит действительно прийти пораньше.»

Ночная смена, как и предполагал Филипп Макарович, действительно оказалась не самой лёгкой. Мельчакова за все четыре часа поста только один раз успела немного попить горячего чая в сестринской. Температура Андрюши поднималась до тридцати девяти и падала долго, спустя только два часа бесконечных обтираний. Парацетамол помогал плохо. Пришлось ставить литическую смесь. Только тогда мальчишка смог немного выдохнуть и выпустить из рук простыни. Единственная оставшаяся медсестра была занята другим пациентом, у которого ночью вдруг обострился приступ паранойи.

Нелли посмотрела в окно, за которым простиралось чёрное небо. Каждую минуту оно освещалось пронзительной вспышкой молнии. Бил в небесные барабаны разъярённый гром. Пошёл уже первый час ночи. Глаза неумолимо слипались, и дабы не уснуть, практикантке пришлось отойти в

уборную, чтобы смочить лицо холодной водой. Девушка распахнула тяжёлые створки, вдыхая ночной морозный воздух. Дождевые капли тут же полетели ей в лицо. На дворе май, и утром воздух становится тяжелее и жарче, но ночи всё ещё холодные, а сегодня ещё и нагрянула майская гроза.

«Валечка, спит наверно, уже.» - тоскливо подумала Нелли, массируя виски. Спать хотелось сильно, но она до последнего держалась, понимая, что с мальчиком что-то не так и, когда действие смеси пройдёт, ей надо будет быть рядом. Она знала, что Филипп Макарович скоро должен подойти, но даже несмотря на это знание, в её груди сердце сильно билось от плохо осмысляемой тревоги.

Она и раньше ухаживала за температуращими больными. За почти уже две недели практики у Ларисы Геннадьевны девушка ухаживала и следила за лечением более пяти таких больных детей с высокой температурой. И все они, в конце концов, вчера выписались. Но с Андрюшей было что-то другое. Он дышал тяжело, так, словно ему на грудь положили груды камней. И дыхание это стало таким уже ближе к ночи после того, как температура в первый раз дошла до тридцати девяти. Глаза красные, слезящиеся, смотрят с обреченным и совершенно недетским равнодушием. Нелли буквально чувствовала незримое присутствие смерти. Той самой смерти, что когда-то встала подле их семьи в тягостном ожидании часа, когда она сможет явить себя.

Дождь усилился, и Нелли пришлось закрыть окно. Руки

мелко дрожали, а глаза щипало, но она не могла позволить себе плакать или впадать в уныние. Врач прослушала лёгкие Андрюши, после чего спокойно оставила его на ночь. Значит, до утра дотянет. Нелли сама после её ухода ещё раз воспользовалась стетоскопом и тоже ничего выходящего за грань безопасного не услышала. Ребёнок спит спокойно, смесь действует, так что часа три ей точно можно немного подремать или наконец-то поест. Что сделать первым, она не знала, но, понимая, что, постоянно раздумывая об этом, ничего не успеет, вышла в коридор.

Свет от тусклых лампочек едва освещал выкрашенные в зелёный стены. На полу возле сестринской лежала светлая полоска. Оттуда были слышны голоса. Нелли, ощутив, как её сердце взволнованно бьётся, зашла в кабинет. Филипп Макарович сидел за столом, разговаривая с медсестрой Марией Михайловной. Сам он был расслаблен. Пальцы проводили вертикальную дорожку по наполненной чаем кружке, стоящей рядом. На расстеленной газетке лежали, блестя поджаристыми боками, пирожки. От одного только беглого взгляда на это великолепие у студентки в желудке заурчало.

– Доброй ночи, Нелли Васильевна.– Мужчина приветливо улыбнулся, заметив её в дверях.– Запоздал, переживал, что с мальчиком проблемы будут, но вы хорошо справились, профессионально.

Зелёные глаза с уважением смотрели на неё. От этого взгляда она слегка смутилась, но виду не показала. Лишь

улыбнулась в ответ. С приходом Филиппа Макаровича стало спокойнее. Напряжение спало, и прежняя усталость возросла. Хотелось лечь на пол и, закрыв глаза, провалиться в глубокий и долгий сон.

– Проходи, угощайся. Мария Михайловна налила нам прекрасный чай.– Филипп указал рукой на стоящую рядом с ним кружку с остывающим чаем.– Пирожки с луком и яйцом. Есть с мясом.

Нелли, поблагодарив, села за стол взяв кружку с чаем. К пирогам не притронулась. Филипп, заметив это, нахмурился, подтолкнул пирожки к ней ближе, покачав головой. Студентка взяла румяный, но уже холодный пирожок. Чуть нажала пальцами, наслаждаясь тем, как они продавили корочку. Поднесла ко рту и надкусила, замирая от блаженства. Нежное тесто таяло во рту. Она сделала ещё укус и ещё, распробовав чудную начинку. То ли сами по себе пирожки были безумно вкусными, то ли так казалось от голода. Нелли вообще не могла вспомнить, когда в последний раз пробовала такое нежное тесто.

Мария Михайловна обсуждала с Филиппом посевы, переживала за ожидаемый осенний урожай. Фельдшер внимательно её слушал, медленно допивая свой чай и кивая. За окном все так же лил дождь, барабанил каплями по стеклу. Со временем он не стих, а казалось, наоборот, разбушевался ещё больше. Капли с такой силой давили на окно, что казалось, скоро хрупкое стекло треснет под их напором или во-

все вывалится из рамы. Слышались то отдалённые, то внезапно близкие раскаты грома. На улице творилась настоящая буря, и только сестринская служила им скромным укрытием от непогоды.

Нелли украдкой поглядывала на Филиппа Макаровича. Валя не лукавила, когда говорила, что он один из самых красивых парней на селе. Говорил спокойно, тихо, не перебивая, слушал. Неугомонный поток слов, выдаваемых медсестрой, даже терпеливая Нелли выдерживала с трудом, а Филипп Макарович словно и правда был погружён во всё, что она торопливо обрушивала на его голову. Нелли так засмотрелась, что чуть не клюнула носом. Совсем забыла, что сил уже не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.